

Сергей Шинкарев

Фрагменты Нобелевской лекции

В ПУСТОТЕ

Уважаемые члены Нобелевского комитета! Уважаемые дамы и господа!

Сравнительно недавно — по шкале геологических эпох секунду назад — я стоял посередине такой же огромной пустоты, абсолютно один, также глядя в тёмную неизвестность. Я смотрел в неё с оцепенелым ужасом, потому что пришло время выходить. Мой друг Виталька лежал, пьяным до беспамятства, этажом выше. Я обещал сломать ему ключицу, но не справился с первого удара — попал в мягкие ткани. На такой случай у нас была договорённость, священное мужское слово, которое я дал до того, как мы начали пить две бутылки водки на двоих: если не сломаю ключицу, сломаю руку.

Виталька не хотел идти в армию, не понятно почему. Я хотел, меня не брали. Наша дружба вообще была странным союзом, потому что он был физически сильным, хитрым, жадным и трусливым. У меня баланс складывался в обратную сторону, за исключением страха — не то, чтобы его было меньше, но он или прятался глубже, или проявлялся позже. На фоне худосочного очкарика-недотёпы, мой почти двухметровый приятель, у которого всегда водились деньги, выглядел безусловным авторитетом — пока я не ударил его колуном в правую ключицу. Мне показалось, удар был точным. По пояс голый Виталька вскрикнул, потерял сознание и сполз по забору на снег.

Меньше всего я хотел оказаться в этой пустой кухне студенческого общежития, с чёрным провалом выбитого, в недавнем групповом побоище, дверного проёма. Пришло время выходить туда, где на меня навалится бесконечно сложная действительность, такая, какую я ещё не распутывал. Выйти из комнаты, исправить ошибку, сломать Витальке руку — ничего особенного, если не читать хитро сложенные книжки ещё живых поэтов. А потом я уеду очень далеко, возможно даже в другой город, и начну всё заново. Чтобы через много лет шагнуть на эту сцену и снова увидеть перед собой ничуть не постаревшую темноту пустоты. Она — единственное существо женского рода, сохранившее свою молодость рядом со мной. Она дружелюбна. В ней уже нет ужаса. Я растворил его в моей жизни, словно подмоченный карбид в бутылке из-под шампанского, взрыва которого ждёшь так долго, что мама успевает вернуться с работы и начать твои поиски.

За всё время существования премии Нобелевскому комитету впервые доведётся вручать её задним числом — после того, как вы прочтёте мою лекцию. Таким образом, в этой трагедии мы все первооткрыватели: и хор, которого нет, и герой, существование которого я тоже ставлю под сомнение. Признаюсь, никогда бы не довёл до конца всё мною задуманное, если бы не очаровательные детали вашего ритуала — мороженное и танцы в 22:15. Но, я сам выбрал такую форму компенсации: за свой досадный промах в мягкие ткани; за тоскливое одиночество в пустой кухне общежития; за карбид, который не взорвался — и она не кажется мне избыточной.

Одна моя блистательная знакомая — из тех, с кем всегда хочется завести интрижку, но не складывается — среди прочих достоинств бесспорного свойства женского туловища, имела опыт пребывания в южнокорейской тюрьме. Не бог весть какой режим, скорее огороженная территория для обманутых мигрантов, но интересна одна деталь: среди полусотни невольниц наша героиня одна имела европейскую внешность. И оказалась в удивительном мире, где человека оценивают *авансом*. Нелегальные вьетнамские портнихи, которых обманули точно также, считали её принцессой по умолчанию. Она лежала выше и мягче, кушала больше и вкуснее, а ещё за ней ухаживали её азиатские сокамерницы, просто потому что она была белая. И любое её слово становилось либо законом, либо легендой.

По факту моего рождения я был вьетнамским портным. Но, по совокупности способностей и талантов, другие портные внезапно признали меня белым.

Дебют случился в детской больнице, где ко мне впервые подбирались люди с ножами. Отец пропал в дальних рейсах на Магадан, мама работала круглые сутки на разгрузке барж, потому что северная навигация короткая, а Якутия большая — примерно как Аргентина, только ещё больше

— и половину этой Аргентины кормила моя мама с коллегами, среди которых была тётя Люба, которой я немного опасался, потому что она была весёлая хохлушка, и мама часто болела после того, как тётя Люба приходила в гости, потому что здоровье у всех разное, а у тёти Любы оно было огромное и она его не боялась тратить. Но, мне их взрослое умение жить ни капли не помогало: у меня опухли гланды, и я лежал в больнице, чтобы с достоинством встретить смерть. Я был готов к ней, потому что прожил на этой земле уже почти четыре года и знал о людях всё.

Дети вокруг меня орали. Или не орали, но тоже были не подарок. Мне такое общество категорически не подходило, я решил избавиться от хаоса. На второй день моего пребывания в больничных стенах, дежурная медсестра обнаружила тишину в детском отделении. Она вошла. Я читал моим новым друзьям газету. Она спросила:

— Серёжа, ты это выучил? Или ты читаешь? — и наш публицистический клуб развалился.

— Читаю, — ответил я, сдержав негативные эмоции.

Она ненадолго исчезла, чтобы принести журнал регистрации больных.

— Читай! — сказала тётя в белом, словно она была мессия, а я был люди, в завершающей стадии мессианского процесса.

Я прочёл ей этот журнал, ровно столько страниц, сколько она хотела, ровно столько, сколько требовалось ей, чтобы осознать бессмысленность происходящего. Помните того индейца, который сломал раковину в душевой, выбил окно и убежал в поля? Это был день, когда я что-то там у них сломал — но, ещё не знал, что надо бежать. Я не умел распорядиться богатством, которое свалилось мне в руки, бесконечной и необузданной силой знаний. В этой камере я оказался единственным белым — неудивительно, что меня легко и неотвратно задушили в объятиях.

Тяга к знаниям

— Серёжа, тебе надо учиться, ты здесь пропадёшь, — сказала заведующая отделом культуры, мудрая женщина, которая видела будущего меня и мою скоропостижную судьбу в известных белых тапочках.

— Не хочу, — искренне ответил я.

Днём раньше меня допрашивал её муж, руководитель районного отделения КГБ. Происходящее могло бы выглядеть шуткой, если бы не запись беседы на магнитофон и протокол. Возможно, на тот момент, я стал самым молодым официально допрошенным в КГБ СССР гражданином. Мне ещё не исполнилось восемнадцати.

Никаких особых преступлений за мной не числилось и весь разговор свёлся к страшилкам профилактического свойства: мол, надо браться за ум; думать, с кем дружишь; и бросить пить. Формальным поводом для встречи стало моё общение с одноклассником, который попался в Хабаровске с валютой.

Полена — так мы звали его в школе, сокращая фамилию. Ему кличка категорически не нравилась и, обладая почти звериной силой, соединённой с отчаянным бесстрашием безотцовщины, он мгновенно набрасывался на любого, кто неосторожно озвучивал безобидное прозвище. Метод не особо действовал. Поэтому, чтобы не лупить всех подряд, мой одноклассник время от времени придумывал себе благозвучные псевдонимы и велел всем называть его то Набаданга, то ещё менее цензурно. В общем, чувак был ещё тот акционист.

В рамках этой бурной имиджевой деятельности, он однажды зашёл слишком далеко и полез драться на парня, который был на два года его старше. Полена учился в восьмом, а его обидчик — в десятом классе. И это была сенсация общешкольного масштаба, потому что уважение к возрасту считалось непререкаемым правилом в нашем якутском Кембридже. Они подрались, и мой одноклассник победил. Произошедшее стало источником безграничной гордости для всего класса. На следующий день старшеклассник захотел реванша и снова был бит. Мы бесновались и планировали установить криминальный контроль над очередью за булочками в буфете. Тут уже оскорблёнными почувствовали себя все десятые классы. Затевалась большая буза, было понятно, что нашего тафгая поколотят толпой. Но, Полене было абсолютно всё равно, он завязался в мёртвый узел, который только рубить. Мы планировали его поддержать и встать стеной, если потребуется — правда оказалось, что после школы всем надо срочно домой, на секции, репетиции и по другим важным делам. Мой одноклассник не заметил отсутствия поддержки, вышел драться — а его противник испугался и отказался от участия в финале.

Помните рубилово Али и Фрейзера? Их трилогия — лишь подобие того противостояния поколений, которое случилось на моих глазах в якутском посёлке, на заднем дворе средней школы.

Мы сдружились после этого события. Тем не менее, наши отношения всегда были сложными, от первого и до последнего дня. Полена был слишком циничен и жесток, как по мне, а ещё созвучно не отёсан — но временами сквозь ржавчину и сучки проступали благородные узоры Дамаска и тепло надёжной деревянной стены.

Однако, сейчас он жил в Хабаровске, где связался с иностранцами и фарцовщиками. А я рассказывал начальнику «конторы» о содержании наших телефонных разговоров, хотя он и так знал их до буквы. Беседа прошла без особых эмоций. Расстались мы с взаимным облегчением. Его явно тяготили должностные обязанности применительно к подростку. На прощание он пообещал не говорить о допросе моей матери — и я ему не поверил.

Майор КГБ сдержал слово. Но, наша встреча получила неожиданное продолжение: его супруга и моя начальница, заведующая отделом культуры, убедила мою маму, что «мальчишку надо спасти». Они провели серию тайных консультаций и решили отправить меня учиться в институт культуры, «на материк» — так называли в Якутии любые территории на запад от вольной северной республики.

Пил я к тому времени уже каждый день. Молодые люди вообще спиваются быстро, а отдельные талантливые субъекты ещё и ускоряют процесс с помощью эффективных инструментов, вроде несчастной любви. У меня имелся полный набор, включая популярность среди ровесников по признаку «не такой как все». Меня угощали на каждом углу; я пел, читал стихи, рвал струны гитары, падал спать на сцене дома культуры за кулисами, куда приходил пьяным смотреть кино; очнувшись, поднимался к художникам-оформителям под крышу ДК — и они давали мне опохмелиться или выгоняли, если самим было мало. Пока однажды я не выпил полстакана яда.

В тот раз меня трясло особенно сильно. В «художке» был только Борис — нервный, застенчивый и добрый человек, который куда лучше меня знал цену похмельного синдрома. Провалившись в диван, который уже не помнил свои пружинистые времена, я пытался заговорить, объяснить, попросить... но Боря понял без слов, и показал на небольшой шкафчик. Я и так знал, что водка там, но к дверце прикасались только по особым случаям. И мне ещё никогда не разрешали достать бутылку самому. Впрочем, мой старший товарищ был занят прибыльной шашкой и не пил уже неделю — а потому смотрел на меня с видимым презрением сильного человека.

Не без труда я налил себе полстакана, зажал нос, выдохнул из лёгких прошлое, до последнего атома, до последнего признака жизни — и все силы доходяги, всю координацию умирающего

бешенного пса, все конвульсии пропадающего существа вложил в одно точное движение, чтобы ни капли не проскочило мимо и не вышло обратно. В этот проклятый белый свет.

В следующую секунду воспламенился и я, и мир вокруг меня. Я выпил ацетон. Боря отреагировал мгновенно, подтащил меня за шиворот, как щенка, к раковине и устроил процедуру промывания желудка. Не сказать, что событие перевернуло мою жизнь, скорее оно меня взбодрило. Я частично запёкся внутри и приобрёл чеховский блеск в глазах. Как оказалось, процесс очищения стал подготовкой к беседе с моим работодателем.

— Серёжа, пожалей маму, — сказала заведомо культуры, точно рассчитав рычаг и меру его воздействия.

«Не хочу» тут не клеилось. А других ответов мне искать было лень. Я больше думал, как быстрее уйти, потому что от меня несло перегаром и день, по большому счёту, сложился паршиво.

И я уехал. От несчастной любви, от великовозрастных приятелей-бухариков, от безграничной тоски серых барачников и чёрного угольного снега, к лучшему будущему, к признанию и карьере — да-да-да, такие версии имеют право на существование. На самом деле, я уехал учиться. Меня влекла тяга к знаниям.

Рай

— Позы будешь? — спросила меня девушка Рая, которой поручили встретить деревенского балбеса в большом городе и помочь освоиться в первые дни.

Я посмотрел на неё. Она посмотрела на меня. Мне было 17, ей почти 20 и у неё был жених. Любой мой ответ шёл вразрез с образом бывалого парня, пережившего многое. Молчание приняло неприличный характер, впрочем, оно у меня часто щеголяло в таком виде. Ну и вопрос... располагал. Я не понимал, о чём она говорит.

— Ты голодный? — снова спросила она — Есть хочешь? Тут отличные позы.

— А нет, конечно, да нет, вообще не хочу.

Я не видел, куда она показывает, потому что был без очков. Очки я не одевал, потому что стеснялся. Спросить, что она имеет в виду, тем более не мог — потому что мужчина в моём возрасте видел всё и не мог не знать про *бурятские позы*. Под конец тяжёлого голодного дня до меня дошло, что она говорит про огромные белые пельмени, которые везде выглядели как сырые, потому что их готовили на пару. И от этой своей глупости ещё больше их расхотел.

— Может всё-таки поешь? — спрашивала моя спутница, покупая издевательски вкусные невзрачные лепёхи в очередной столовой.

— Рай, я правда не хочу, что-то нет аппетита, — врал я неубедительно и прикрывал кадык подбородком.

Её имя оказалось странно созвучным городу, в котором мы встретились. После Владивостока, где я совершил первую попытку самостоятельного обучения, Улан-Удэ выглядел райским местом. Во-первых, здесь никто никого не грабил — ни мы их, ни они нас. Во-вторых, в общежитии были только девушки и несколько малахольных евнухов — и меня в это общежитие поселили, без предварительных условий. Как распорядиться своим счастьем, я с ходу не придумал, поэтому нежилась в лучах оттянутого времени. В этом состоянии мне и явился Виталька, с которым мы

впервые увиделись на «абитуре» — так назывался процесс поступления в ВУЗ, который заключался в непрерывных издевательствах над здравым смыслом и собственным здоровьем.

Поступил я в полусне, потому что ночи проходили бурно. Главный экзамен — сочинение по литературе и русскому языку — проспал почти весь, за полчаса до его окончания меня разбудила привлекательная одинокая женщина в роли строгого преподавателя, которая предложила мне покинуть помещение. Я, в общем, не возражал, но сначала написал сочинение, примерно за 15 минут, просто чтобы доказать ей, что могу — и только после этого откланялся. Надо ли говорить, что оценка моя была 5\5 и по конкурсу я прошёл без натяжек.

Собственно, за весь период обучения этот момент был единственным, когда я сделал что-то поддающееся оценке. В дальнейшем, подобных затрат не требовалось. В крайнем случае, срабатывали заготовки, которые мы с Виталькой держали наготове на все случаи жизни.

Мой новоиспечённый друг выгодно отличался от основной массы наших однокашников словарным запасом. При первом же разговоре выяснилось, что он знает слово «отнюдь». Одного этого с лихвой хватало, чтобы попасть в мой круг, строго ограниченный жёсткими требованиями к интеллекту и хорошим манерам. Но, только лишь словами многогранность моего товарища не ограничивалась. Меня особенно подкупала его способность к импровизации.

Уже будучи студентами и каждый день прогуливая практически все занятия, кроме самых важных, мы заметили, что нельзя попадаться в коридорах, во время пар, декану. Он путешествовал по институту целенаправленно, высматривая нерадивых лентяев. Но мы-то к ним никак не относились...

Поэтому, попавшись однажды ему на глаза, мы все трое стали участниками мизансцены, к которой никто из нас не был готов. Он был уверен, что эти прилежные парни вообще никогда не прогуливают — потому что не встречал нас раньше в коридорах, а на его занятиях мы умело вращали глазами и выдавали участливые реплики, демонстрируя страсть к обучению. Мы, в свою очередь, были уверены, что никогда его не увидим, потому что коридоры были прямые, все траектории у нас были продуманы и мы грамотно оценивали риски, заранее выглядывая из-за углов.

— Вы где были? — спросил декан.

— За флагами ходили! — ответил Виталька.

Универсальность ответа я оценил не сразу. Он действовал как шприц со снотворным, которым выстреливают в опасного хищника издали, пока он не сгруппировался. Флаги парализовали наших оппонентов ещё до прыжка. Мысль о том, что эти два раздолбая на самом деле исполнительные и патриотичные граждане своей страны, которые выполняют важное поручение руководства, была перцовым баллончиком. Она выбивала слезу и заставляла жалеть о самой постановке вопроса. Двое юношей, высоких и выпранных, симпатичных и сильных, честных и чистых, оживлённых и жертвенных, ещё и с флагами...

Только однажды, преподаватель сценической речи зашла оскорбительно далеко, перешагнув границы приличий. Не отводя свинцового взгляда, она спросила:

— Ну и где флаги?

— Мы в профком отнесли, — ответил Виталька, и я закрыл глаза, чтобы никто не увидел в них ужаса о того, что горюет мой приятель.

Но и это прокатило. Я не знал, что в институте был профком. А Виталька знал и это знание пригодилось ему ровно один раз, вот именно сейчас. Скорее всего, профком создали специально

для того, чтобы в него относить флаги. Других воспоминаний об этой богоугодной организации в моей памяти не осталось.

За исключением таких редких кризисных моментов, наша студенческая жизнь проистекала вполне размеренно. Днём мы выстраивали планы на вечер, вечером реализовывали запланированное, по ночам стремились к познанию секретов биологического разнообразия, по пятницам и субботам дрались со студентами технологического института, общежитие которого было рядом. По мере отладки процессов, стало понятно, что для повышения качества необходимо обеспечить рост доходов. Особенно для ночных этапов. И здесь пригодился наш опыт жизни в Приморье, где я провёл полгода во Владивостоке, а Виталька такие же полгода — в Находке.

Таким образом, мы перешли к стратегическому планированию. Потому что, любой рай имеет смысл тогда, когда из него можно извлечь прибыль. На крайний случай, пропить. Или ещё как-то превратить в ад.

Ад

Нет смысла избегать общих форм в литературе, в которой есть такая череда героев, как у меня — подумал я, сидя на полу в умывальнике и нащупывая пальцами источник липкого красного на темечке. Мне всегда нравились крупные мазки, как часть моего негласного договора с читателем, имеющим богатое воображение. Сейчас эти мазки стали как никогда осязаемы, по ним было видно, сколько я прополз по коричневой плитке, откуда стартовал и насколько сложным получился мой маршрут.

В общежитии судостроительного техникума нас, вновь поступивших, избивали каждый вечер студенты старших курсов и те, кто приходил к ним в гости из города, повеселиться. Точного графика не существовало, но нагрузку старались разумно дозировать, за исключением самых упрямых и самых слабых. Первых «ломали» из принципа, показательно. Вторых выводили в кадровый резерв, превращали в холуев и, через пару лет, они сами поднимались на вершину этой «пищевой цепочки».

Некоторое время мне удавалось оттягивать встречу с неизбежным. Словарный запас, актёрские данные, умение прятать страх и временами выглядеть агрессивно — совокупность этих небогатых способностей позволяла оставаться над схватками. Но, со временем зелёный пейзаж превратился в пустыню, посередине которой торчал один колючий я. Местные «мексиканцы» подбирались всё ближе, моим последним аргументом стала история о серьёзных знакомствах в городской криминальной среде. Однако, настал момент, когда и этот резерв оказался исчерпан.

— Давай, зови своих людей, побазарим! — сказал Боб, двадцатилетний переросток, только что вернувшийся из армии. Он нашёл в нашем общежитии сразу и дом, и работу, отбирая у малолеток еду, одежду и деньги. Его заместителем по силовому блоку был Бес, такой же доблестный демобилизованный. Он имел боксёрские навыки и быстро терял над собой контроль в состоянии опьянения.

Сейчас Бес стоял справа от меня, глядя мне в висок, куда собирался ударить. За моей спиной сопели ещё два бойца. Ситуация не отличалась вариативностью, потому что никаких людей у меня не было. Учитывая, что я единственный на весь техникум, приехал из Якутии — мне и так удалось продержаться довольно долго. Поэтому, завершение сюжета прямо сейчас, в этом умывальнике, выглядело уместным. Пацаны-первокурсники будут рады, потому что отмыть пол и стены здесь не составит труда. Они, конечно, смоют в спешке и линию моей судьбы, но у меня ещё много этой грустной краски, — подумал я и предложил оппонентам действовать.

Боксёр явно рассчитывал положить меня с одного удара, но не получилось. Они не умели бить, во всяком случае так, как ожидалось от четырёх джентльменов, воспитанных в рабочих трущобах городка имени большевика Артёма. После нескольких минут возни я оказался на полу, но всё ещё был в сознании и покрикивал разве что из вежливости, чтобы показать им, как они беспощадны и сильны. По-настоящему опасен был только Бес, потому что он знал, куда ударить. И время тоже работало против меня: чем дольше я держался, тем больше они зверели. Поэтому, чтобы не затягивать финал, меня поставили на ноги, заломили руки и ударили головой о раковину. Стало темно и тихо.

Реальность вернулась ко мне быстро, хотя я её не торопил. Её голос походил на журчание воды из неисправного крана где-то надо мной. Она изогнулась цирковой танцовщицей и раздвинула стены, чтобы показать мне перспективы будущего. Те выглядели мрачно. Я закрыл глаза, стало холодно.

Кровь я смыть толком не успел. Кто-то заорал в коридоре, это был голос Беса. Он возвращался за мной. Благословенный проектировщик здания общежития сделал коридоры кольцевыми, мой мучитель был уже изрядно напит и накурен, поэтому я легко ушёл влево, когда его узкий мир качнулся вправо. Дальше мне открывалось ровно два пути: на первый этаж, жаловаться вахтёру, который прятался по вечерам вообще от всех; или вверх, на этажи старшекурсников — блуждать по коридорам. Со времён русских богатырей количество тропинок сократилось на треть, я выбрал первую.

В экстремальных ситуациях иногда становишься талантливее, чем можно предположить: я за минуту рассказал вахтёру, что мне прислали тёплую одежду родители из Якутии, я маму не видел и папу не помню, честное слово, прямо сейчас обратно, только посылочку заберу... — и таким незамысловатым образом очутился на женской половине общежития. Не первый раз бесконечно далёкая и загадочная Якутия выручила меня, оказывая прямо-таки гипнотическое воздействие на собеседника.

В моей памяти, на тот момент, хранились один номер комнаты и одно имя — Марина. Мы познакомились на вступительных экзаменах, она была вторым человеком из ЯАССР в техникуме. Марина из Мохсоголлоха...

Мохсоголлох

В мартовские школьные каникулы отец взял меня в рейс. Некоторые мои ровесники уже гоняли за рулём, но на мелких машинах — «уазиках» или «газонах». Отец ездил на автомобиле «УРАЛ», который все называли «триста семьдесят пятым». Ломучее изделие советского автопрома, ненадёжное и прожорливое, стараниями водителя и гаражных умельцев доводилось до нормального состояния, иногда до идеального. Батя пригнал свою машину прямиком из Миасса, со сборочного конвейера автозавода, в редком «северном» исполнении: оранжевый, с лебёдкой, с подкачкой, с тройным остеклением, с масляным отопителем в кабине и предпусковым подогревателем — если бы в те времена в отцовском гараже знали бы слово «премиум», оно бы подошло к этой машине. Наверняка в её дверях были ниши, где хранились зонты с ручками из слоновой кости — но никто ими не пользовался, потому что вместо дождя у нас шёл снег. Зонты выменивали на спирт, в нишах хранили обрезы.

Мой папа ценил своё и моё время, поэтому воспитывал меня спорадически. Раз в год на его глазах я выбирал не совсем верную модель поведения, на что следовала родительская реакция. И я получал ценный жизненный опыт, котировки которого сформировались и окаменели где-то в первых советских шахтах Кузбасса, где рос и мужал мой батюшка.

Самое первое путешествие мы с ним совершили на новой лодке, в компании друзей отца, его коллег по гаражу. Они пили больше, чем ели, и это была идеальная команда для процесса, который они называли «обмыть». Про таких людей в газетах последние сто лет пишут — «скромные труженики Крайнего Севера, герои ледовых трасс». На берегу красивой северной реки компания за пару часов потеряла человеческий облик, начались показательные катания на лодках. Отец ещё не вполне уверенно обращался с мотором, но тоже решил показать класс. Он встал на борта, демонстрируя прекрасную растяжку, не проверил нейтраль и дёрнул верёвку стартера. Новый мотор завёлся как часы, «Обь» рванула вперёд, рулевой-моторист упал в реку. Двигатель ревел, лодка ходила кругами и её уносило течением, мужики на берегу ржали, а я плакал от страха, что папа утонет.

Он выбрался на берег мокрый и злой и, первым делом, сказал мне, чтобы я заткнулся. Лодку поймали, мы с отцом сразу поехали домой. По дороге меня трясло от предчувствия беды, потому что папа был сильно пьяным — я ещё не видел его таким. И мне казалось, что мы вот-вот снова выпадём из лодки. В общем, это была как раз та *самая не самая* верная модель поведения. Прямо скажем, я проявил непростительное малодушие. Потому что, мне было уже семь лет и следовало бы воспринимать происходящее стоически.

Здесь и случилось воспитание. Отец сбросил газ, остановил лодку и посмотрел на меня как-то особенно внимательно. Время замерло вместе с нами, посередине огромной реки, напротив пионерского лагеря «Чайка» с надписью «Добро пожаловать!» на кривом заборе, выкрашенном бессмертным зелёным суриком.

— Что боишься, щенок? — дружелюбно спросил папа.

— Да, — честно ответил я.

— А чего ты боишься?

— Что мы утонем, — заикаясь, пробормотал я, пытаюсь подкупить его правдой.

— Ну так учись плавать, давай, — сказал он спокойно и, по-деловому, вышвырнул меня из лодки.

Я сразу утонул. Он видимо не ожидал, что это произойдёт так быстро. Ему пришлось перегнуться через борт и ухватить меня за одежду, чтобы я не уплыл навсегда. Таким образом, отеческие чувства победили смерть, я вернулся в лодку и до самого дома выкашливал из себя воду с обидой. Замерзающий, напуганный до паралича, вцепившийся в борта новенькой «Оби» — я искал объяснение произошедшему так усердно, что отцу пришлось разжимать мои закованные пальцы, когда мы вернулись. Мы договорились, что ничего не расскажем маме, а она и не спрашивала. Так я получил первый ценный опыт, который принято передавать от родителей детям, по версии моего папы: учись, щенок.

Рейс на Мохсоголлох был явлением примерно такого же порядка. Мама хотела, чтобы я провёл весенние каникулы в компании отца — потому что у меня случилась очередная первая любовь, от которой меня следовало отвлечь. Отец особо не горел желанием, но внезапно согласился показать мне жизнь водителя Крайнего Севера, какой она выглядела из кабины. В Хандыге мы загрузили металлолом и отвезли его в Якутск. Затем приехали в Мохсоголлох за цементом — семь тонн в тягач, пять тонн в прицеп.

На погрузку мы прибыли уже к вечеру и встали перед высокими серыми воротами. Быстро темнело. Слева и справа торчали вышки, на которых маячили фигуры. Мне показалось, что они были с автоматами — но зачем здесь автоматы? С вышки нам подали знак остановиться и прижаться к обочине. Ворота медленно открылись. Навстречу, из цементного ада, потянулась серая змея — сотни людей без лиц, без имён, без прошлого и будущего. Сотни рабов в телогрейках. Слева и

справа шли автоматчики — теперь я рассмотрел их близко. Непрерывно лаяли овчарки, грязные серые собаки на сером снегу. Я видел такие сцены в кино про войну — так водили пленных немцев. Но откуда здесь пленные? Мне открывался новый непонятный мир, от которого во все стороны растекался стылый серый морок.

— Пап, это что, война началась? — спросил я.

— Тихо, — ответил он коротко.

На следующий день я впервые сяду за руль грузовика на трассе и проеду свои первые двести километров по якутскому зимнику. Отец доверит мне сцепку общим весом 24 тонны, которую я поведу по изумрудному зелёному и голубому льду Алдана, под сияющим мартовским солнцем, от которого снег будет искриться в закрытых глазах ещё несколько дней. С этого дня меня перестанет укачивать в машинах, сразу и навсегда. И в родном доме, куда я вернусь, потолки станут чуть ниже. Последние дни моего детства останутся там, в Мохсоголлохе.

Мой мозг, вероятнее всего, местами сложен из дерева — настолько глубоко в него врезаны некоторые картины. В этих неотшкуренных складках памяти бесконечная серая колонна спряталась на всю мою жизнь. От лая, воя и холода.

9 декабря 2023 года